

— Как? Фурукава-кун покинул столицу? — Абэ-но Масахиро уставился на деда со смесью изумления и досады. — Почему ты мне ничего не сказал?!

— Надо же. Неужто ты так близко сошелся с этим юношей? — Сэймэй вздернул бровь и лукаво прищурился.

— Да вовсе нет... — Масахиро смущенно отвел взгляд.

Воспоминание об их первой встрече до сих пор жгло душу стыдом за собственную неуклюжесть.

«Просто... я хотел перед ним извиниться».

— Что же, тогда тебе придется изрядно постараться, — Сэймэй спрятал смешинку в глазах за бумажным веером. — Ведь молодой Фурукава уже сдал экзамен и получил звание официального онмёдзи.

— Что?! Он уже настоящий онмёдзи?

Осознание того, что ровесник уже добился признания, больно ударило по самолюбию Масахиро. Скорчив унылую мину, он сердито воззрился на деда:

— Дедушка! Почему ты мне-то не разрешаешь сдавать этот экзамен?

— Ох, малютка Масахиро становится совсем несносным. Какое упущение с моей стороны, — Сэймэй театрально вздохнул и прижал широкий рукав к глазам, изображая горькие слезы.

— Дедушка! — вскипел мальчик.

— Ну никакой почтительности к старости, — Сэймэй лениво обмахнулся веером. — Масахиро, ты, часом, не забыл, что твой дар виденья вернулся к тебе совсем недавно? Кого ты можешь призвать, кроме Моккуна? И даже если забыть о сикигами — скажи-ка, ты выучил хотя бы половину заклинаний из тех свитков, что пылятся у тебя в комнате?

— Всё, хватит! Я пошел учиться! — Масахиро в сердцах грохнул ладонью по столу, круто развернулся и вихрем унёсся к себе.

Моккун с укоризной посмотрел на хихикающего старика и покачал головой:

— Ну и зачем ты его дразнишь? Теперь он весь вечер будет дуться и греметь свитками.

— Пускай шумит, — беззаботно отозвался Сэймэй. — Юности положено быть бурной.

— К слову, о том пареньке... Ты ведь знаешь этого Фурукаву, Сэймэй? — Моккун качнул длинным хвостом. — Ему и вправду всего пятнадцать?

— Да. Одарённость этого мальчика граничит с чудом, — Сэймэй на мгновение посерьезнел. — Всего полтора года назад я вытащил его из вод Камогавы — несчастного едва не утонула на дно Хасихимэ. Кто бы мог подумать, что за столь короткий срок он вырастет в столь искусного мастера.

— Поразительно, — тихо признал Моккун.

— И это ещё не всё... — Сэймэй задумчиво прикрыл глаза. — Куда больше меня заботит его наставник. Асакура Хао — человек поистине пугающей силы.

Тем временем виновник их беседы, Фурукава Сюань, старательно начитывал буддийскую сутру. Потоки его духовной силы, переплетаясь со священными словами, омывали застрявшую в мире живых душу. Мягкое свечение постепенно растворяло застарелую обиду призрака, пока тот, наконец, не обрёл долгожданный покой и не растаял в воздухе с умиротворённой улыбкой.

С уходом неупокоенного духа зловещий холод, царивший в доме, бесследно рассеялся. Стоявший неподалеку слуга поспешил распахнуть тяжелые ставни. Золотистый солнечный свет хлынул в комнату, и хозяин дома, измученный многодневным страхом, бессильно опустился на колени, разрыдавшись от облегчения.

— Спасибо вам! Храни вас боги! — непрестанно кланялся он.

Щедрое вознаграждение переключало в руки сопровождавших магов воинов, после чего благодарный купец лично проводил спасителей до самых ворот.

Стоило Сюаню подняться под полог запряженной быками повозки, как раздался ровный голос Асакуры Хао:

— Сегодня ты читал сутру медленнее обычного. Запнулся на пятнадцатом стихе третьей части, верно?

— Прости, наставник, — чистосердечно повинулся Сюань.

Он и сам не ожидал, что нынешнее изгнание окажется обычным упокоением заблудшей души. Призрак не успел сотворить зла, а значит, обрушивать на него очищающие молнии было бы кощунством. Пришлось чинно, строчка за строчкой, начитывать заупокойную молитву.

— Мои познания в сутрах всё ещё слишком скудны, — вздохнул юноша. — Обещаю исправиться.

Хао не стал браниться — он слишком хорошо знал упрямый нрав своего ученика. После такой оплошности парень из кожи вон вылезет, но зазубрит тексты наизусть.

— И сколько нам за это отсыпали? — с улыбкой поинтересовался он.

— Шестьдесят золотых рё, — деловито отозвался Сюань.

По нынешним временам сумма немалая: обычная крестьянская семья могла безбедно жить на десять монет треть года. Для простолюдина шестьдесят рё и вовсе были несметным богатством, которого он не видывал за всю жизнь. Но для практикующего онмёдзи эти деньги — пыль, едва покрывающая плату наемным самураям для охраны. А столичные вельможи спускали куда большие суммы за одну-единственную ночь в объятиях высокоранговой куртизанки-ойран.

Для самого же Сюаня эти шестьдесят золотых были каплей в море — на них в игровом магазине нельзя было выменять даже самый захудалый сундук. К тому же платили, строго говоря, не ему, а его великому наставнику. Из этого кошелька Хао оплачивал дорожные расходы, коих в долгом пути набиралось немало.

Да уж, покидая столицу, они явно не обременяли себя лишними сбережениями.

Сюань не упускал случая мысленно поворчать на этот счет. Хао словно питал врожденное презрение к презренному металлу. И хотя он исправно подкидывал ученику заказы на изгнание нечисти, платили за них гроши. Именно по этой причине Сюань за целый год так и не сумел скопить на заветный элитный сундук за триста двадцать восемь золотых.

Вот и приходилось им время от времени задерживаться в попутных селениях, чтобы очистить чей-нибудь амбар от затаившегося злыдня и раздобыть монет на дальнейшую дорогу.

Правда, черную работу почти всегда выполнял Сюань. Сам Хао предпочитал не покидать повозки, лениво листая свитки и оттачивая плетение чар.

Спустя месяц неспешного пути перед ними раскинулись туманные холмы Идзумо — древней земли, овеянной седыми легендами и преданиями о богах.

Старейшины главной ветви клана Асакура получили весть о прибытии нового главы заранее и

выслали встречать процессию к границам города.

— Клан приветствует великого господина Асакуру Хао!

Какие бы мысли ни бродили в головах провинциальных родственников, внешнее почтение они выказали безупречно. Едва повозка Хао показалась на дороге, встречающие дружно пали ниц, огласив окрестности слаженным приветственным хором.

— Прошу вас, поднимитесь, — отозвался Хао.

Ему не было дела до тайных помыслов встречающих — в его голове и без того шумел непрекращающийся поток мысленного ворчания собственного ученика. Сюань строчил комментарии в уме с такой скоростью, что Хао едва удержался, чтобы не озвучить вертящуюся в сознании мальчишки фразу.

«Лицо моё бесстрастно, но в душе я безудержно хохочу».

Заметив, что новый патриарх держится вполне миролюбиво, сородичи облегченно перевели дух.

— Прошу вас, господин Асакура, следуйте за нами. Главная усадьба расположена в горах. Позвольте указать дорогу.

— Ведите, — кивнул Хао, после чего оглянулся на сопровождающих. — Но сперва я должен устроить своих людей.

— Как вам будет угодно, — вновь поклонился старейшина.

Про себя они радовались: спокойный и рассудительный лидер — великое благо для клана. Должно быть, столичная ветвь Асакура под его началом процветает.

Оставив праздную толпу позади, Хао не стал утруждать себя долгой дорогой. Взмахнув рукавом, он призвал исполинского Они. Свирепый демон подхватил тяжелую повозку и устремился ввысь, неся её прямоком к родовому гнезду среди горных хребтов.

Местные Асакура явно трепетали перед Хао. Сюань сразу приметил, как суетливо они кланяются и как подрагивают их пальцы. Они боялись нового господина до дрожи в коленях, пусть тот и не выказывал ни капли гнева.

Сам маг лишь снисходительно усмехнулся и потрепал ученика по макушке:

— Их страх вполне оправдан, Сюань.

— Наставник, — вздохнул парень, уворачиваясь от ладони мага. — Почему ты всегда угадываешь мои мысли прежде, чем я успеваю открыть рот? Неужели у меня на лбу всё написано?

— Именно так, — рассмеялся Хао, умолчав о своем даре Рэйси — способности слышать чужие души. Вместо этого он пояснил: — Видишь ли, прежний патриарх, Хамоти Тадамицу, держал семью в ежовых рукавицах. Он был... крайне суров.

Сюань озадаченно склонил голову набок. Он вспомнил благообразного старика, которого видел мельком — тот казался сущим одуванчиком, воплощением мудрости и спокойствия, каким, пожалуй, мог бы стать сам Хао на склоне лет.

— А всё потому... — Хао заговорщически подмигнул, — что это секрет.

Сюань с трудом удержался от соблазна закатить глаза.

— В таком случае, достопочтенный наставник, отдыхайте. Скоро вам предстоит официально принять титул шестого главы клана. Пойду и я, не стану вам мешать.

Проводив взглядом спешно откланявшегося и давшего стрекача ученика, Хао все же не выдержал и негромко рассмеялся.

Обряд преемственности власти — по сути, обычная формальность. И только люди способны превратить простую передачу полномочий в утомительное многодневное действо, обставленное кучей бессмысленных правил.

Для Сюаня, вынужденного неотлучно следовать за наставником и терпеть бесконечные церемонии, это время превратилось в сущий ад. Нужно было непрестанно сохранять каменное лицо и блюсти этикет, отчего к концу каждого дня юноша чувствовал себя выжатым как лимон.

Хуже всего было то, что во время церемоний Сюаню строго-настрого запрещалось прибегать к духовной силе, чтобы унять ломоту в затекшем теле. Настоящая пытка для непривыкших к многочасовому неподвижному бдению мышц!

— Полно тебе, — поддразнивал его Хао. Он сидел на мягком татами, а на его указательном пальце безмятежно покачивала крылышками откуда-то прилетевшая бабочка. — Обещаю, больше я тебя на такие муки не обреку.

Сюань лишь сокрушенно вздохнул, блаженно зажмурившись под мягкими пассами Хотаругусы. Нежная, теплая магия призванной сикигами медленно вытягивала усталость из плеч. И всё же на душе скребли кошки: шутка ли, целый месяц ушел только на подготовку к этому дню! Как

тут не завывать?

А если подумать, со дня их отъезда из столицы прошло уже два месяца. Интересно, как там дела в Хэйан-кё?

Словно в ответ на его мысли, в открытую створку скользнула призрачная вестница — светящаяся золотистая бабочка, сотканная из чистой духовной силы.

Хао протянул свободную ладонь. Призрачное насекомое опустилось ему на пальцы, тогда как живая бабочка даже не подумала взлететь, устроившись поудобнее.

Секунда — и золотистый силуэт рассыпался ворохом исписанной тончайшей бумаги. Пробежав глазами длинные столбцы иероглифов, Хао озадаченно хмыкнул.

— Что-то случилось, наставник? — полюбопытствовал Сюань.

— Вести из столицы, — Хао качнул головой. — Сэймэй во всеуслышание объявил имя своего преемника. Им стал Абэ-но Масахиро.

Сюань озадаченно нахмурился.

«Этот колючий мальчишка? Сложно поверить, что этот сердитый ершистый подросток унаследует имя Сэймэя. На первый взгляд в нем не чувствовалось никакой выдающейся силы».

— Объявили на днях, — Хао вздернул бровь. — Поговаривают, малец заслужил это право, лично одолев Кюки — чудище, явившееся к нам из заморского Срединного государства.

Маг, конечно, ни на грош не верил, будто неопытный юнец мог в одиночку справиться с подобной тварью. Но раз уж строптивые Небесные Генералы Сэймэя соизволили протянуть мальчишке руку помощи, тот и впрямь сделал шаг вперед.

— Вот только сейчас? — наморщил лоб Сюань. — Но ведь Кюки объявился в Хэйан-кё еще до нашего отъезда. Почему же его уничтожение растянулось на целых два месяца?

— Тварь оказалась на редкость изворотливой, — Хао протянул ему послание. — Первым делом она нацелилась на любимую дочь самого регента, Фудзивары-но Митинаги, напрочь лишив посторонних возможности вмешаться. Затем этот зверь одурманил разум племянницы регента, из-за чего клан Фудзивара наотрез отказался пускать к делу кого-либо, кроме магов из дома Абэ. Вот расследование и завязло в придворной паутине.